

ская «диалектика» П. Тейяра де Шардена. — В кн.: Вопросы теоретического наследия Иммануила Канта. Калининград, 1979, Вып. 4.

³ См.: Калининков Л. А. Телеологический метод Канта и диалектика. — В кн.: Вопросы теоретического наследия Иммануила Канта. Калининград, 1978, Вып. 3.

⁴ Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М., Наука, 1977, с. 18.

⁵ Фишер К. История новой философии. С.-Петербург, 1910, Т. 4. Иммануил Кант и его учение. Ч. 1. Возникновение и основание критической философии, с. 199.

⁶ Гердер И. Г. Указ. соч., с. 19.

⁷ См. Бур М., Иррлиц Г. Притязание разума. Из истории немецкой классической философии и литературы. М., 1978, с. 238—241.

⁸ Гулыга А. В. Гердер. М., 1975, с. 44.

⁹ Гердер И. Г. Указ. соч., с. 119.

¹⁰ Цит. по: Бур М., Иррлиц Г. Указ. соч., с. 241.

¹¹ См. настоящий 5-й выпуск сб. «Вопросы теоретического наследия Иммануила Канта», с. 110.

¹² Там же, с. 110—111.

¹³ Там же, с.

¹⁴ Там же, с. 115.

¹⁵ Там же, с. 116.

¹⁶ Гердер И. Г. Указ. соч., с. 30.

¹⁷ Там же, с. 46.

¹⁸ Там же, с. 79.

¹⁹ Там же, с. 80.

²⁰ Там же, с. 87.

²¹ Там же, с. 86.

Т. Н. ПАНЧЕНКО

ПИТЕР СТРОСОН В РОЛИ АНАЛИТИЧЕСКОГО ИНТЕРПРЕТАТОРА КАНТОВСКОЙ ФИЛОСОФИИ

В зарубежной кантианской литературе 60—70-х годов, пожалуй, наибольшей известностью пользуется книга Питера Стросона «Пределы смысла. Заметки о кантовской «Критике чистого разума». Она вышла в свет в 1966 г. По количеству ссылок в «Kant-Studien» можно проследить, как росла ее популярность. Сейчас трудно найти статью по гносеологии Канта, где бы не упоминалось имя Стросона. Появились кантианцы, которые считают предметом своего анализа уже не самого Канта, а Канта в интерпретации Стросона. Как полвека назад хайдеггеровская работа «Кант и проблема метафизики» основала новую эпоху в кантианстве, дав классическую экзистенциалистскую интерпретацию «Критики чистого разума», так в наши дни подобная роль выпала на долю книги Стросона: Стросон предложил классическую аналитическую интерпретацию кантовского учения.

Процесс соотнесения идей аналитической философии с идеями трансцендентальной был нелегким. Кантовское учение не вписывалось в рамки аналитического философствования. П. Стросону пришлось осуществить большую «достройку» кантовской системы при одновременной элиминации значительной части ее реального содержания.

В данной работе мы попытаемся проследить те модификации смысла кантовской «Критики», которые возникли при ее аналитическом прочтении.

Обращение П. Стросона к анализу кантовского учения было не случайно. Стросон — признанный лидер современного этапа аналитического движения, глава Оксфордской школы анализа обыденного языка — явился основателем нового — метафизического — направления в аналитической философии. Признав крах программы «беспредпосылочного» анализа обыденного языка, поняв, что антиметафизичность является своего рода особой метафизикой, но слишком плохой метафизикой, не соответствующей современной научной практике, Стросон предложил вернуться к традиционной метафизической проблематике. Он выдвинул программу создания новой (дескриптивной) метафизики на основе анализа обыденного языка. Стросон противопоставляет дескриптивную метафизику «ревизиующей», или «исправляющей», считая, что первая стремится к описанию реальной структуры нашего мышления, а вторая пытается продуцировать лучшую структуру. По мнению Стросона, история философии всегда в скрытом виде содержала в себе это различие. К числу мыслителей, стремившихся к совершенствованию структуры нашего мышления, он относит Декарта, Лейбница, Беркли, а к числу предшественников дескриптивной метафизики — Аристотеля и Канта. В кантовской философии он видит самый близкий аналог собственной философской работы¹.

Эта установка и предопределила стросоновское понимание кантовского учения. Показать Канта как предтечу дескриптивной метафизики — вот цель книги Питера Стросона.

Стросон уверен, что аналитические и критические достижения Канта логически не связаны с его неприемлемой, давно устаревшей метафизикой и никак от нее не зависят. И как это уже многократно пытались сделать ученики и последователи Канта, начиная с Фихте, Стросон предпринимает еще одну попытку «очищения» Канта. На этот раз искомым, требующим прояснения и поддержки, выступает аналитический аргумент, аналитический аргумент очищается от метафизических наслоений.

Но что же имеет в виду Стросон, говоря об аналитическом аргументе кантовской философии? Он называет так проделанный Кантом анализ опыта. Стросон считает, что Кант исходит из факта существования опыта и, не принимая никаких дополнительных допущений, проводит его аналитическое исследование.

Действительно, признание существования опыта — одна из основных предпосылок кантовского рассуждения. Но опыт раскрывается Кантом через исходный дуализм сознания и мира, опытное познание начинается с внешнего аффицирования чувственности. Стросон же отождествляет опыт с содержанием сознания. Он утверждает, что весь кантовский анализ опыта — это лишь анализ налично данного в сфере сознания. Стросоновская интерпретация основана на ликвидации целого пласта кантовского философствования: вся проблематика вещи в себе и внешнего

аффицирования чувственности отнесена им к метафизическим погрешностям и не принимается во внимание при анализе опыта.

В марксистской историко-философской традиции давно установилось мнение, высказанное еще Куно Фишером, что кантовское учение, за вычетом понятия «вещь в себе», есть берклианский идеализм; материалистическая тенденция кантовской философии связана, прежде всего, с проблематикой вещи в себе. Стросон пытается же перевернуть отношение между частями кантовского построения: он видит идеализм Канта именно в этой проблематике и отказ от нее считает непременным условием вычленения кантовской позитивной философии опыта.

Стросон смотрит на кантовское учение глазами философа-аналитика: Он видит суть кантовской философии в аналитическом аргументе потому, что его собственное учение — дескриптивная метафизика — построено как аналитический аргумент. Он считает, что Кант хочет сделать все возможные аналитические выводы из одного лишь факта существования опыта, подобно тому, как сам он — из факта существования языка. Анализируя обыденный язык, Стросон надеется решить две основные задачи: 1) выявить глубинную формообразующую структуру языка и 2) эксплицировать онтологическое содержание, заключенное в языковых структурах. В соответствии с этим в кантовском анализе необходимых условий возможности опыта Стросон выделяет два уровня: 1) описание формальной структуры познания (форм рассудка, разума и чувственности) и 2) представление о реальном мире, которое можно составить на основе нашего (человеческого) типа опыта.

Стросон читает Канта с предзаданной установкой и везде, где может, пытается сделать его стросонианцем и дескриптивным метафизиком. «Пределы смысла» — это перевод кантовской «Критики» на язык дескриптивной метафизики. Основным достижением кантовской философии (хоть и недостаточно четко выраженным в собственных кантовских текстах) Стросон считает доказательство того, что индивидуальное сознание возможно только потому, что вне сознания существует объективный материальный мир. Иначе говоря, цель стросоновской интерпретации — это своего рода «восстановление» реализма и материализма. Но не через признание существования некой «сомнительной», как он считает, вещи в себе, а на самой, по его мнению, надежной научной основе — на основе строгого аналитического рассуждения, на основе анализа содержания сознания.

Как удалась Стросону его аналитическая интерпретация, это мы и пытаемся сейчас рассмотреть.

* * *

«Можно вообразить типы мира, очень отличные от того, каким мы его знаем. Можно описать типы опыта, очень отличающиеся от того опыта, какой мы в действительности имеем. Но не всякое... грамматически допустимое описание возможного вида опыта было бы истинно интеллигибельным описанием. Существуют пре-

дела, в которых мы можем понимать или делать что-то для самих себя интеллигибельным, это — возможная общая структура опыта»², — так начинает П. Стросон свою книгу. Он считает, что никто не может сравниться с Кантом в исследовании ограничивающих рамок человеческого мышления. Что значит быть понятным? Что значит, что некоторое высказывание имеет смысл? Какими средствами пользуется сознание, чтобы освоить мир, сделать его доступным для себя? Каковы пределы интеллигибельности?³ — Вот, по мнению П. Стросона, основные вопросы кантовской «Критики».

Для Канта, утверждает Стросон, характерно смешение двух уровней анализа: 1) зависимости интеллигибельности от структуры идеи интеллигибельности и 2) зависимости интеллигибельности от психологических особенностей познающего субъекта.

Хотя Кант прекрасно понимал, что второй уровень принадлежит сфере эмпирического и конкретно-научного исследования и что изучение зависимости нашего опыта от механизмов восприятия, от природы органов чувств и нервной системы не может быть философским исследованием, однако, по мнению Стросона, первый уровень он рассматривал по аналогии со вторым, ставил его в зависимость от второго, что приводило к психологической трактовке познания.

Стросон сразу отмечает, что психологический уровень кантовского рассуждения его не интересует. Все свои усилия он направляет на реконструкцию кантовского анализа идеи интеллигибельности. Он уверен, что именно на этом уровне лежат важнейшие философские достижения Канта и тут надо их искать.

Но Стросон также уверен, что, очерчивая пределы смысла (иными словами: описывая структуру интеллигибельности), Кант одновременно преступает эти пределы, так как исходит из ряда предзаданных метафизических идей. Поэтому, считает Стросон, проблема понимания «Критики» состоит в том, чтобы распутать разные нити рассуждения, отличить истинные зависимости от мнимых.

Главное позитивное достижение «Критики» Стросон видит в определении структуры интеллигибельного для нас понятия опыта. Основным принципом интеллигибельности, принятым Кантом, он считает, *эмпирический принцип значения*. Согласно этому принципу, имеет смысл только такое понятие, для которого определены условия эмпирического применения. Если мы оперируем понятием, способы эмпирического применения которого нам неизвестны, то «мы не просто говорим о том, чего не знаем; на самом деле, мы не знаем, что говорим»⁴.

По мнению Стросона, именно введение эмпирического критерия значения привело Канта к утверждению, что метафизика не имеет права на существование, ибо в метафизическом мышлении нарушается принцип значения. Вся сфера трансцендентальной философии — сфера максимальной претензии и минимального доказательства — обязана своим существованием пренебрежению принципом значения.

Принятием принципа значения и отрицанием трансцендентальной метафизики Кант близок традиции классического эмпиризма, традиции Беркли и Юма, которая сохранилась до наших дней, как считает Стросон, и самого чистого своего выражения достигает в работах Айера. Но в понимании опыта, утверждает Стросон, Кант резко отходит от этой традиции и сознательно противопоставляет себя ей.

Классический эмпиризм исходит из утверждения, что опыт дает хаос скоротечных ощущений, и проблема состоит в том, чтобы подтвердить правильность наших обыденных представлений об устойчивом, законосообразном мире, пользуясь этими скудными данными опыта. Только содержание сознания предполагается известным непосредственно или опытно. Объективно существующий вне познания материальный мир остается на положении гипотетической конструкции.

Таким образом, в классическом эмпиризме ставится неразрешимая задача: требуется подтвердить веру в реальный мир, исходя из частных данных сознания. Д. Юм констатировал невозможность решения этой задачи, и с тех пор эмпиризм вынужден постоянно апеллировать к здравому смыслу (наивному или рафинированному, как у Айера).

«Всякий философ, — пишет Стросон, — который побуждает нас или требует от нас подтвердить нашу веру в объективный мир выходом за пределы частных данных индивидуального сознания, тем самым демонстрирует свою неудачу в постижении условий возможности опыта в целом. Философы, столь непохожие в других отношениях, как Декарт и Юм, похожи в этом отношении, — они оба осознают свою неудачу»⁵.

Кант, как утверждает Стросон, выходит за пределы классического эмпиризма. Он отказывается от его основного исходного допущения — противопоставления непосредственной достоверности состояний сознания опосредованному, гипотетическому знанию объективного мира.

Но каково же, по мнению П. Стросона, то новое понимание опыта, с помощью которого Кант смог преодолеть недостатки классического эмпиризма?

Стросон обнаруживает у Канта шесть основных тезисов, определяющих условия, которые необходимы для эмпирического познания и имплицитно содержатся в понятии опыта. Совокупность этих условий интеллигибельности он называет «*минимальным эмпирическим понятием опыта*»⁶.

1. Опыт обнаруживает временную последовательность (тезис времени).
2. Возможность самосознания или самоописания опытов со стороны субъекта этих опытов требует единства временных рядов опытов (тезис необходимого единства сознания).
3. Опыт должен включать осознание объектов, которые отличаются от их субъективного опытного восприятия (тезис объективности).

4. Объекты, упомянутые в пункте 3, являются пространственными (тезис пространственности).

5. Должна существовать единая пространственно-временная рамка эмпирической реальности, охватывающая весь опыт и его объекты (тезис пространственно-временного единства).

6. Некоторые принципы непрерывности и причинности должны выполняться в физическом или объективном мире вещей в пространстве (тезис аналогий).

Значительная и, пожалуй, самая интересная часть книги Стросона построена как пояснение этих кантово-стросоновских тезисов.

Тезис необходимого единства сознания (единства апперцепции) гласит: представление «Я мыслю» должно сопровождать все другие мои представления. Это требование, считает П. Стросон, включает в себе две мысли. «Первая — старая мысль о том, что созерцания должны быть подведены под понятия, чтобы породить опыт»⁷. Вторая, которую Стросон по неизвестной причине называет новой, — что тождество апперцепции предполагает тождество сознания и самосознания. «...Рассудок, — пишет Стросон, — должен быть занят концептуализацией всех интуиций, принадлежащих одному сознанию, и нужно, чтобы это тождество было *известно* субъекту этих опытов»⁸.

По мнению Стросона, способ выражения Кантом своих мыслей может ввести в заблуждение, кантовское единство апперцепции характеризует не субъекта опыта, а сам опыт; Кант вовсе не утверждает, что есть единый носитель всего опыта; он говорит, что есть единое непрерывное поле опыта и что опыт имеет характер саморефлексивности⁹.

Единое саморефлексивное поле опыта — первое необходимое, но не достаточное условие приписывания опытов самому себе. Второе непрерывное условие состоит в различении порядка наших опытов и порядка, который независимо от опытов имеют объекты этих опытов. Опыт всегда включает в себе элемент опознания, отождествления различных восприятий, различных опытов как опытов одной и той же вещи. Поскольку возможны различные опыты одного и того же, они могут и должны быть поняты как различные субъективные опытные пути к чему-то, что интересобъективно. «Нельзя осознать временные ряды опыта как *свои*, — пишет Стросон, — если не осознать их как дающие знание единого объективного мира, форму субъективного или экспериментального пути, через который принимают ряды опыта»¹⁰. Невозможно ни одно чисто субъективное суждение, никакой чисто субъективный опыт. «Ряды опытов, по Канту, имеют двойной аспект. С одной стороны, они кумулятивно строят картину мира, объекты и события которого имеют объективный характер, логически независимый от частного опытного пути через этот мир. С другой стороны, он [путь] имеет собственный порядок рядов опыта объектов. Если мы понимаем ряды опытов как артикулированные в суждениях, то эти суждения должны давать, с одной стороны, (частичное) описание объективного мира, с другой стороны, схему пути отдельного опыта этого мира. Не только ряды как целое,

но и каждый член ряда имеет двойной аспект... В этой двойственности аспектов лежит фундаментальное основание (хотя и не полные условия реальности) самоописания опытов вообще»¹¹.

Самосознание («сознание моего собственного опыта как определенного во времени») возможно только при том условии, что опыт понимается как субъективный опыт объективного мира. Опыт обязательно должен включать в себя знание об объектах, существующих независимо от опыта, — таково требование тезиса об объективности.

У Канта, считает Стросон, нет эксплицитного доказательства того, что ряды объективных опытов обязательно должны быть пространственными. «Вместо доказательства он использует обычный переход от «вещей, отличных от нашего восприятия», к «внешним вещам», или «объектам внешнего созерцания», а затем к «пространственным вещам», или «вещам в пространстве». Однако, если прямо подвергнуть сомнению эту точку зрения, Кант резонно ответил бы, что, обладая тем типом опыта, каким мы обладаем, мы не можем сделать интеллигибельной для себя идею какой-либо альтернативы пространственности объективного мира»¹². Пространственное — единственный, доступный нашему пониманию способ существования независимых от опыта объектов нашего опыта. По меньшей мере, пространственное существование — способ, по аналогии с которым должен быть понят всякий иной способ существования таких объектов. Объективно то, что пространственно. Все пространственное — объективно. Вот суть тезиса о пространственности.

«Аналитика основоположений» посвящена обоснованию необходимой связи принципов непрерывности и причинности с понятием объективного познания. Но, по мнению Стросона, при обосновании этой связи Кант совершил подмену тезисов. Он объявил результатом основоположений совсем не те принципы, которые получил.

Кант уверен, что доказал принцип сохранения количества материи, принцип причинности (согласно которому *каждое* изменение имеет свою *необходимую* причину) и принцип взаимодействия всех частей материи. «Такая интерпретация Кантом собственных результатов, — пишет Стросон, — совершенно неожиданна, если не учитывать ту гипотезу, что Кант испытывал сильное искушение отождествить то, что он обосновал как необходимое условие возможности опыта объективного мира, с фундаментальными неизменными предпосылками физической науки»¹³.

Кант рассматривал свои выводы как предпосылки физической науки вообще. Для нас, с точки зрения исторической перспективы, очевидна связь этих принципов с ньютоновской физикой. Конечно, можно свести достижения основоположений к выявлению предпосылок той специфической формы научного мышления, которую оно принимает в ньютоновской физике. Такая интерпретация предложена, например, в работах Р. Коллингвуда и С. Кёрнера¹⁴. Но Стросон считает ее слишком слабой, обедняющей смысл кантовского рассуждения. Предпосылки научного мышления своего

времени Кант принял за предпосылки всякого научного мышления. Но «из этого вовсе не следует ни то, что не существуют необходимые условия возможности опыта вообще, ни то, что Кант в «Основоположениях» никоим образом не подошел к определению таких условий»¹⁵.

На самом деле, утверждает П. Стросон, Кант обосновал «метафизический принцип необходимого сохранения тождества мира вещей в пространстве. Пространственно-временная рамка вещей в целом — вот то, что должно быть понято как абсолютно постоянное и устойчивое»¹⁶. Поскольку сама неизменная пространственно-временная рамка эмпирической реальности не может быть чистым объектом восприятия, то ее постоянство должно быть представлено через восприятие постоянных идентифицируемых объектов в пространстве. Изменения, происходящие с такими объектами, должны подчиняться закону причинности.

Кант не понял собственных результатов, а его претензии на доказательство «трех научных суперпринципов» необоснованны. В «Первой Аналогии» и в «Опровержении Идеализма» он не сумел вывести физический принцип сохранения массы; во «Второй Аналогии» — незаконно отождествил необходимый порядок восприятий с причинной детерминацией объективного изменения, а в «Третьей...» — столь же незаконно приравнял порядковую индифферентность восприятий взаимному причинному влиянию сосуществующих объектов.

Однако, по мнению Стросона, кантовское рассуждение можно реконструировать. «Начиная с кантовских предпосылок и следуя по пути, близкому кантовскому, можно прийти к выводам, которые аналогичны его выводам»¹⁷.

И Стросон предпринимает попытку такой реконструкции.

Общая задача «Аналогий» состоит в выяснении условий различения субъективного временного порядка восприятий и временных отношений объектов, существующих независимо от их восприятий.

Важнейшим для этого различения является понятие невоспринимаемых в данный момент объектов, которые тем не менее являются объектами возможного восприятия, сосуществующими с актуально воспринимаемыми объектами. Если нет такого сосуществования объектов возможного и актуального восприятия, то невозможно различение между объективными и субъективными временными рядами. Понятие в данный момент невоспринимаемого объекта дает возможность отождествить объект, актуально воспринимаемый в определенный момент, с объектом, который воспринимался раньше или будет восприниматься позже.

Как возможна ситуация, в которой, воспринимая последовательно некоторые объекты, мы не знаем, что они существуют одновременно? Кант задает этот вопрос и отвечает на него, обращая внимание на порядковую индифферентность некоторых восприятий.

Во внутреннем чувстве все восприятия идут последовательно. Но некоторые восприятия можно представить себе в обратной по-

следовательности, а другие нельзя. Это — реальный факт, который не может быть объяснен без выхода за пределы внутреннего чувства. Чтобы объяснить его, приходится допустить, что основания необходимого порядка восприятий находятся не на уровне самих восприятий (тут их нет), а на уровне объектов восприятий. Те необходимые связи, которые мы находим в восприятиях, можно объяснить лишь тем, что они есть в объектах. Характер наших восприятий таков, что мы не можем понять их, не прибегая к понятиям о постоянных, длящихся во времени и независимых от восприятия объектах. Условием отождествляемости различных восприятий как восприятий одного и того же объекта служит локализация таких объектов в единой пространственной (или квазипространственной) системе.

Изменения в восприятии объектов, конечно, отличаются от изменений воспринимаемых объектов. Но каковы условия того, чтобы изменения в наших восприятиях по праву можно было оценить как изменения, происходящие в самих воспринимаемых объектах? Нужно, чтобы наши понятия о постоянных объектах были понятиями об объектах, способных к изменению, будь то количественное изменение, или изменение положения в пространственно-временной рамке, или изменение в соотношении частей. Нужно признать, что изменения в потоке субъективных восприятий зависят не только от изменения в точке зрения воспринимающего субъекта, но также и от изменений в мире объектов.

Таким образом, объекты восприятия должны быть одновременно и изменяющимися, и постоянными; они должны быть такими, чтобы к ним были применимы эмпирические критерии идентификации; объекты должны изменяться так, чтобы мы могли опознать их как изменившиеся. Например, они могут изменить свое положение относительно друг друга, но не так, чтобы для нас стало невозможно судить о том, как изменилось их положение. Иначе говоря, объекты должны изменяться законообразно, в соответствии с принципом причинности.

Смысл тезиса аналогий состоит в том, что на основании субъективной временной последовательности можно сделать некоторые выводы об объективной последовательности; в сфере актуально существующего — во внутреннем чувстве — можно выделить существующее в модусе необходимого: Кант доказывает, что необходимое единство пространственно-временной системы объективных вещей должно быть как-то представлено на уровне системы связей, существующей между нашими эмпирическими восприятиями. Но «тут мысль Канта уходит от анализа того, что на самом деле гарантирует эта система связи. Она уходит, заманиваемая соблазном обоснования трех научных суперпринципов»¹⁸. Он думал, что «может более коротким путем прийти к более значительным результатам. Как легко видеть, — заключает П. Стросон, — каждый из его шагов незаконен, и можно только удивляться, что Кант делает их»¹⁹.

Таковы требования «минимального эмпирического понятия опыта» к объекту опыта. Но Стросон не ограничивается только

ими. Немалое внимание он уделяет требованиям, предъявляемым к субъекту опыта, причем в реконструкции этих требований ведет себя столь же вольно, как в реконструкции «Аналогий». Стросон считает, что Кант пренебрегает понятием субъекта опыта, и хочет помочь ему восполнить недостающие детали рассуждения.

Понимание опыта как опыта единого объективного мира создает идею «опытного или субъективного пути через мир — идею потенциальной автобиографии»²⁰. Но для актуального приписывания опыта самому себе требуются еще некоторые условия. А именно, приписывание различных состояний сознания одному и тому же субъекту требует наличия определенных способов выделения данного субъекта среди других, отождествления его как того же самого в различных перцептуальных ситуациях. Необходим эмпирически приемлемый критерий идентификации субъекта опыта. В реальной жизненной практике это условие выполняется, так как каждый из нас — телесный объект среди других телесных объектов, человек среди людей. Наши личные местоимения, включая местоимение «Я», имеют эмпирическую отсылку; и такая отсылка должна быть обеспечена, чтобы имело смысл приписывание опытов их субъекту. Слабость кантовского анализа, считает Стросон, состоит в том, что он едва упоминает этот критерий. Лишь в одном смутном предложении Кант говорит, что критерий идентификации субъекта опыта, хотя и не тот же самый, что критерий идентификации тела, но необходимо должен включать ссылку на человеческое тело. «Ее [души] постоянство в течение жизни, конечно, очевидно, — говорит он, — так как мыслящее существо (человек) само является объектом внешнего чувства»²¹ (5, 351).

Мы склонны проглядывать такой критерий личного тождества, считает Стросон, так как нам не требуется никакого критерия, чтобы приписывать себе свои настоящие или прошлые опыты. Например, испытывая боль, я не должен оглядываться вокруг себя и искать, кто это — Я, испытывающий боль. Бессмысленно думать: есть чувство голода, но я ли тот, кто голоден. В поле внутреннего опыта нельзя встретить ничего такого, чтобы встал вопрос о критерии идентификации субъекта опыта, чтобы требовалось определить, кому принадлежит этот опыт.

Местоимение «Я» может использоваться без эксплицитно выявленного критерия идентификации субъекта и, однако, выполнять свою роль отсылки к субъекту. Это возможно потому, что местоимение «Я» публично исходит изо рта человека, который опознаваем с помощью эмпирического критерия личного тождества; даже если «Я» используется во внутреннем монологе, оно используется человеком, который знает, как применить эмпирический критерий личного тождества для решения вопроса, он ли тот человек, который совершал в прошлом такие-то и такие-то действия. «Я» может использоваться без критерия идентификации субъекта, так как даже в этом случае связи с этим критерием практически не прерываются»²².

Если абстрагировать «Я» от эмпирических критериев личного тождества, — а такое абстрагирование часто совершается в фи-

лософской рефлексии, — то это слово не будет означать ничего, кроме «сознания вообще» или общих условий возможности опыта.

По мнению Стросона, кантовская теория субъекта опыта частично воспроизводит юмовскую. В утверждении: «Во внутреннем созерцании мы не имеем ничего постоянного» (6, 377)— Кант повторяет знаменитое высказывание Юма: «Я никак не могу уловить свое Я как нечто существующее помимо восприятий»²³. Недостаточность у Канта ссылок на человека как «объект внешнего чувства», на роль телесного тождества в эмпирическом понятии субъекта опыта параллельна полному отсутствию таких ссылок у Юма.

Но здесь сходство кончается. Юм считает, что в опыте нет ни устойчивого объекта, ни устойчивого субъекта опыта. Он пытается объяснить идею того, что он называет «самим собой», найдя среди членов класса восприятий такие отношения, которые «симулируют» тождество субъекта. Он проводит анализ понятия тождества личности аналогично анализу понятия тождества материальных объектов. Отдельные восприятия считаются восприятиями одного и того же материального тела, если между ними существуют отношения ассоциативности и пространственно-временной смежности. Точно на таких же основаниях, утверждает Д. Юм, можно считать отдельные восприятия принадлежащими одному и тому же субъекту.

Такой способ, заявляет П. Стросон, достаточен для идентификации тела, но недостаточен для идентификации субъекта. С помощью юмовских критериев невозможно в едином поле «моего» опыта выделить опыты других людей.

По мнению П. Стросона, кантовская теория свободна от недостатков юмовской, но нуждается в дополнении — в эксплицитном объяснении роли эмпирически приемлемого критерия личного тождества, которое и было предложено им, Стросоном.

Такова стросоновская реконструкция описанных Кантом необходимых условий возможности опыта. Минимальное эмпирическое понятие опыта, как Стросон предпочитает называть совокупность этих условий, показывает, что невозможен чисто субъективный опыт; опыт может осуществиться только как объективный опыт или опыт объективного мира. Внутренний опыт теряет привилегированный статус сферы непосредственной достоверности, который ему приписывался в традиционной эмпирической философии. Внешний опыт — необходимое условие возможности внутреннего. Самосознание возможно только через восприятие внешних — пространственных — объектов. Опыт есть субъективный путь через объективный мир.

По мнению Стросона, в учении о минимальном понятии опыта Кант, решительный противник всей традиционной метафизики, оказался создателем новой метафизики — позитивной метафизики опыта. Его исследование, заявляет Стросон, вполне заслуживает такого названия: в соответствии с традицией оно выступает как наука о «первоначалах», пользующаяся неэмпирическими методами; ее утверждения не могут быть поняты с помощью эмпири-

ческого принципа значения, ибо она описывает понятийную структуру, присутствующую во всех эмпирических исследованиях.

Создание метафизики опыта Стросон считает величайшим достижением «Критики чистого разума». Но метафизика опыта — лишь одна из нитей запутанного клубка кантовских рассуждений, который Стросону удалось, наконец, распутать. В текстах Канта позитивная метафизика опыта переплетена с метафизикой трансцендентального идеализма. В трансцендентальном идеализме, в учении о феноменах и ноуменах, аффицируемости чувственности вещами в себе, первичной субъективности мира природы Стросон видит «путь, посредством которого исходная модель была извращена или трансформирована в форму, в которой она нарушает все приемлемые требования интеллигибельности, включая собственный кантовский принцип значения»²⁴.

Стросон берется доказать, что трансцендентальный идеализм — лишь внешняя пристройка, бесполезная и неприсяжная основному учению. «Хотя трудно отчленить метафизику трансцендентального идеализма от аналитического аргумента кантовской позитивной метафизики, но когда эта операция будет осуществлена, обнаружится, как мало доктрина трансцендентального идеализма разрушает аналитическое доказательство»²⁵, — обещал Стросон еще в начале своей книги.

Трансцендентальный идеализм не сводится, по его мнению, к утверждению, что мы не можем познать сверхчувственную реальность. Суть учения состоит в том, что реальность сверхчувствительна, и мы не можем познать ее. Термин «трансцендентальный идеализм» говорит, якобы, сам за себя. «Идеализм» предполагает, что внешние объекты сводятся к представлениям; «трансцендентализм» означает учение, согласно которому все, что мы знаем в опыте, включая собственные состояния сознания, зависит от неизвестного внеопытного основания. Связь трансцендентализма и идеализма создает особую форму крайнего субъективизма, в которой источником всех структур мира объявляется Я, субъект опыта, известный нам лишь как явление, но известный в своей истинной сущности. Кант ближе к Беркли, чем сам об этом думает, заявляет П. Стросон.

В «Эстетике», «Дедукции», «Аналогиях», «Диалектике» есть рефреном повторяющееся утверждение, что тела в пространстве — лишь явления, они не существуют независимо от наших представлений, они — лишь особый вид представлений. Даже кантовское опровержение идеализма в конечном счете основано, считает П. Стросон, на его переходе к учению трансцендентального идеализма.

Есть два вопроса, неразрешимых для проблематического и догматического идеализма (как Кант называет учения Р. Декарта и Дж. Беркли):

1. Как можно верить в существование внешних объектов в пространстве, если единственным основанием этой веры является ссылка на внутренние состояния сознания? Вера в существование физических тел, не зависящих от восприятий, имеет не большую

подтвержденность, чем результат сомнительного умозаключения от наличия непосредственных восприятий к их внешней причине.

2. Как может материя, пространственная, протяженная, производить своими действиями такие совершенно гетерогенные следствия состояния сознания, которые, по определению, не пространственны?

Оба эти вопроса, говорит Кант, предполагают одну общую предпосылку — утверждение, что тела существуют независимо от наших восприятий. Следовательно, обе проблемы исчезают, когда осознается ложность этой предпосылки. Мы сами, считает Кант, выдумали проблему, которая на самом деле вовсе не является реальной проблемой. Говорить, что тела служат причиной наших представлений о телах, — это в лучшем случае вводящий в заблуждение способ указания на то, что «представления нашей чувственности так взаимосвязаны, что те представления, которые называются внешними интуициями, могут быть представлены в соответствии с эмпирическими законами как объекты вне нас»²⁶. Но этот факт вовсе не должен приводить к «вымышленному затруднению, заключающемуся в требовании объяснить происхождение представлений из находящихся вне нас совершенно иностранных действующих причин». «Если мы соотносим друг с другом внутренние и внешние явления и только как представления в опыте, то мы не находим ничего нелепого или странного во взаимодействии этих двух видов чувств»²⁷.

Читая Канта, Стросон не хочет обращать внимание на его многочисленные прямые утверждения о реальности внешнего мира. Например, между приводимыми Стросоном цитатами мы можем найти и такое напоминание Канта: «Однако нам следует помнить, что тела суть не предметы сами по себе, находящиеся перед нами, а только явления *неизвестно какого предмета*, и что движение есть не действие этой *неизвестной причины* (курсив наш. — Т. П.), а только явление ее влияния на наши чувства» (З, 754).

Вот об этой-то «неизвестной причине», весьма важной в строе кантовского рассуждения, Стросон и вынужден забыть, чтобы, объясняя трансцендентальный идеализм, придать ему форму крайнего феноменализма. Он пишет: «То, что реально существует как результат квазипричинного А-отношения (отношения аффицирования. — Т. П.), есть не что иное, как сам опыт, временно упорядоченные ряды концептуализированных и связанных интуиций... тела в пространстве реально не существуют независимо от *какого-либо* их сознания. Кроме восприятий, вообще нет ничего реального»²⁸. Физические тела — не что иное, как особый вид наших представлений.

Но как же при такой интерпретации Канта сочетается в его учении трансцендентальный идеализм с эмпирическим реализмом, можем спросить мы у Стросона. Как учение о том, что тела есть лишь вид представлений, может согласоваться с учением, что мы непосредственно осознаем существование объектов в пространстве как отличное от наших восприятий?

Стросон считает, что вопрос, существуют ли тела независимо от восприятий, получает у Канта различные ответы в зависимости от того, ставится он внутри концептуальной схемы опыта или в контексте всей критической философии.

Результатом положительной метафизики опыта является доказательство того, что мы должны связать свои интуиции с помощью понятий об объективных вещах, существующих независимо от восприятия.

Однако, с критической точки зрения, реально существуют только трансцендентальные и для нас неизвестные причины наших представлений и следствия этих причин — сами представления. Первые для нас непостижимы, вторые — постижимы как явления. В этой схеме нет места для реально существующих физических тел, но зато есть операции с такой концептуальной схемой, которая включает в себя понятие нашего сознания тел как отличных от их восприятия.

Такой же двойственный ответ получает и вопрос, являются ли тела причинами наших представлений о них? С точки зрения эмпирической схемы ответ, безусловно, должен быть положительным; мы исследуем эмпирические — физические и физиологические — механизмы причинности. Но с точки зрения критической схемы нужно ответить, что тела — не что иное, как восприятия, и что реальная их причина — неизвестный трансцендентальный объект.

Изложив в такой весьма и весьма спорной форме учение трансцендентального идеализма, П. Стросон заявляет, что «решение ни одной проблемы в тексте «Критики» не зависит от тезиса, что вещи не есть вещи в себе», «отказаться от доктрины трансцендентального идеализма... значит не потерять ничего»²⁹. Целью книги Стросона было очищение аналитического аргумента от устаревшей метафизики, и он уверен, что ему удалось представить эмпирический реализм как, в сущности, независимый от трансцендентального идеализма. Стросон пишет: «Аналитическое доказательство выводов о необходимой структуре опыта должно быть оценено по заслугам. Если мы примем вывод, что опыт необходимо включает в себя осознание объектов, понятых как существующие во времени независимо от их осознания, то нужно принять его без оговорок. У нас нет той дополнительной схемы, с точки зрения которой можно придать эзотерический смысл вопросу, *реально* ли существуют такие объекты, которые мы должны эмпирически понять как существующие независимо от наших восприятий. Вопрос может быть понят только в смысле самой схемы опыта, в которую мы включены, и в этом смысле он допускает лишь ответ здравого смысла»³⁰.

Стросон считает, что основания кантовского противопоставления вещей в себе и явлений вполне могут быть приняты научно мыслящим философом. Нельзя не согласиться с тем, что мы воспринимаем объекты, только будучи аффицированы ими; мы осознаем их так, как они являются нам в результате аффицирования, а не так, как они есть на самом деле. Но дальше расходятся пути

Канта и научно мыслящего философа (а Стросон, кажется, видит в себе его воплощение). Если Кант вообще отрицает возможность эмпирического познания вещей как они есть (вещей в себе), то научно мыслящий философ отрицает лишь то, что *все* свойства, которые мы узнали через аффицирование, должны быть отнесены к характеристикам самих вещей. Границы реальности не очерчиваются нашим чувственным опытом. «Было бы глупо отрицать, что вещи, известные нам по опыту, имеют ряд свойств, которые не даны в опыте, но которые могут быть открыты при лучшем оснащении органов чувств... Единственно, на чем мы можем настаивать, — что новые аспекты реальности должны быть в некоторой систематической связи с теми аспектами, которые мы уже знаем. Принятие такой концепции объективной реальности очень отличается от кантовской концепции вещей в себе»³¹.

Питер Стросон свой «опыт преодоления Канта и кантианства» объявляет «доктринальными фантазиями»³², утверждая, что Кант провел исследование «через им самим созданные препятствия»³³.

Но справедливы ли претензии Стросона к Канту? Не относятся ли его замечания не столько к Канту, сколько к его собственной интерпретации Канта?

Стросон сводит трансцендентальный идеализм Канта к учению о том, что нет принципиальной разницы между внутренним и внешним восприятием; внешнее восприятие есть лишь особый вид внутреннего. Самым простым способом опротестовать эту точку зрения нам представляется обращение к историко-философской традиции. Известно, что уже Д. Юм называл внешние объекты — особым разрядом восприятий, считая мнение о непрерывном и независимом от восприятия существовании внешних объектов «фикцией», «грубой иллюзией». Он писал: «Мы и не предполагаем, что внешние объекты специфически отличны от восприятий, а только приписываем им иные отношения и связи и иную длительность»³⁴.

Стросон утверждает, что важнейшим отличительным признаком внешнего восприятия у Канта являются постоянство и законсообразность в измерениях. Юм был того же мнения. Внешние объекты, писал он, «сохраняют некоторую *связанность* и регулятивную зависимость друг от друга, что служит основанием своего рода заключения из причинности и порождает мнение об их непрерывном существовании... Таким образом, *связность* в изменениях является одной из характерных черт внешних объектов наряду с их постоянством»³⁵.

Уже это простое сравнение с очевидностью показывает, что если принять интерпретацию Стросона, то невозможно отличить Канта от Юма, и, кажется, будто и не был совершен «коперниканский переворот» в философии. А ведь задача кантовской философии состояла именно в преодолении юмовской позиции.

Историческую достоверность воспроизведения кантовской мысли едва ли можно отнести к достоинствам книги Стросона. Приходится присоединиться к мнению одного из самых суровых критиков стросоновской интерпретации Канта, Вальтера Серфа, который считает, что Стросон подменяет кантовскую трансценден-

тально-идеалистическую концепцию аналитической концепцией, основанной на анализе лишь логической необходимости понятий. Монадологические, эпистемологические и логические связи кантовской мысли редуцируются к логическим. Предметом анализа является не мир и не опыт, а «пучок понятий, вовлеченных в «наше» понятие опыта мира»³⁶.

Стросоновская интерпретация кантовского учения «отбрасывает лейбницевские одеяния, из которых оно было выкроено, и отказывается от проблем, которые направляли это выкраивание». Стросон «лишает... Канта системы категорий, актов синтеза и их скрытого источника, воображения. Он лишает кантовскую чистую апперцепцию ее чистоты и превращает ее в личное эмпирическое самосознание. В итоге он лишает его всего аппарата трансцендентального идеализма и его монадологического основания»³⁷.

Стросон считает своим достижением освобождение эмпирического понятия опыта от метафизики трансцендентального идеализма. По сути же дела, он дает идеалистическую интерпретацию Канта, солидаризируется с ней на теоретическом уровне, но отделяет свою точку зрения от кантовской добавлением учения здравого смысла. И пусть этот здравый смысл — «не просто здравый смысл»³⁸, как подчеркивает сам Стросон, пусть он будет еще более рафинированным, чем у рафинированного Айера, от этого мало что изменяется. Когда основанием рассуждения становится мнение здравого смысла, то не потеря ли такое приобретение?

Чтобы утверждать, что понятию объективного мира соответствует объективный мир, Стросон вынужден обратиться к помощи здравого смысла. Это, безусловно, самый слабый пункт его рассуждения, который выявляет невозможность доказательства реальности объективного мира с аналитических позиций.

Книга П. Стросона вызвала широкую дискуссию, касающуюся целого ряда вопросов и, в частности, правомерности его общего подхода к проблеме интерпретации философского текста. Особенности этого подхода ясно видны при сравнении его книги с работой другого известного аналитика — Джонатана Беннета. Работы Беннета и Стросона в равной степени считаются «первоклассными аналитическими интерпретациями Канта»³⁹. Первая книга Дж. Беннета о Канте — «Аналитика Канта» — вышла в свет одновременно с «Пределами смысла» в 1966 г., а вторая — «Диалектика Канта» — в 1974. Журнал «Philosophical review» предложил Дж. Беннету и П. Стросону оценить работы друг друга⁴⁰. Четко осознавая различие в исходных установках, Беннет начал свою статью с иронического пассажа: «Большая часть «Критики чистого разума» мертва, так как основана на устаревших теориях. Комментаторы основных проблем вынуждены искать жизнь под поверхностью: показывая, где кантовское доказательство имеет невинные (логически правильные. — Т. П.) аналогии, которые приводят к тем же выводам, или более слабый, но также нетривиальный путь — искать новые доказательства, согласующиеся с общим направлением кантовской мысли, и т. д. Было много по-

пыток и некоторые частные успехи. Совершенство... достигнуто сейчас Стросоном»⁴¹. После такого введения сомнительно звучали последующие многочисленные хвалы Беннета в адрес конкурента.

Еще более решительно высказался о книге Стросона Вальтер Сёрф. Он считает, что «Пределы смысла» нельзя ставить в один ряд с работами кантовских последователей и историков-кантоведов. «Стросон не хочет собирать косточки и реконструировать скелет. Он хочет перенести кантовскую мысль в жизнь нынешнего дня. Но совершенно откровенно допускает «накладывание» на «Критику чистого разума» понятий такой философии, как дескриптивная метафизика, и такого философского метода, как понятийный анализ... Как ни различны Стросон и Хайдеггер, они разделяют уверенность в том, что прошлое философии было предвосхищением их собственных пониманий философии. То, что может быть так рассмотрено, — доброкачественно; что не может — мусор»⁴².

В. Сёрф неумолим в своих оценках: тут и «чудо философской черной магии», и «жуликоватый ход гения», и «злое эхо, которое больше искажает, чем напоминает подлинный голос»⁴³. Но если не дать увлечь себя его возмущенным пафосом и со спокойствием прислушаться к содержанию высказываний, то окажется, что с большинством из них Стросону можно согласиться и что, по существу, в них нет ничего, порочащего книгу П. Стросона.

Если воспользоваться выражением В. Сёрфа, то действительно можно сказать, что Дж. Беннет предпринимает попытку «реставрации скелета»; но тогда П. Стросон беседует со своим предтечей и учителем. Оба способа отношения к кантовскому тексту правомерны, и оба имеют свои недостатки. Дж. Беннет вводит нас в анатомический театр. П. Стросон вычленяет в кантовском учении проблемы, которые стали его собственными, и отказывается от других, которые, по его мнению, не прошли испытания временем.

При стросоновской аналитической интерпретации значительная часть кантовской проблематики просто перестает существовать. Но для того, что остается, она служит своего рода увеличительным стеклом, с помощью которого гораздо тщательнее, чем раньше, можно рассмотреть отдельные части кантовского построения. К несомненным заслугам Стросона, на наш взгляд, надо отнести 1) анализ специфики кантовского эмпиризма и его отличий от классического; 2) доказательство невозможности существования внутреннего опыта без понятий о внешнем опыте (или обоснование необходимой связи эмпирического самосознания с опытом объективного мира); 3) реконструкцию кантовского онтологического вывода по аналогии.

Однако приходится также признать, что основная цель стросоновской интерпретации не была достигнута. Он стремился воспроизвести кантовский анализ опыта в такой форме, чтобы стало очевидным, что необходимым условием опыта является существование объективного мира материальных вещей. Более того, исходя из анализа структуры опыта, он считал себя вправе по анало-

гии судить о структуре бытия. Он надеялся, что не только он сам как основатель дескриптивной метафизики, но и Кант — в его интерпретации — как основатель эмпирического реализма сумели преодолеть идеализм. Правда, как признает Стросон, Кант затем деформировал свой эмпирический реализм, отведя ему лишь частное место в системе трансцендентального идеализма. Зато сам он, Стросон, не принимающий трансцендентального идеализма, несомненно, является здравомыслящим реалистом.

Но ведь история философии показывает, что все идеалисты всегда «требовали последовательного выведения из чистой мысли ... всего мира вообще»⁴⁴. Онтологический вывод, описываемый Стросоном, остается таким вот идеалистическим выведением мира из мысли, выведением мира мыслимого, а не мира реального.

¹ Более подробный анализ учения П. Стросона см. в нашей статье: «Дескриптивная метафизика Питера Стросона». — Вопросы философии, 1979, № 11, с. 158—167.

² Strawson P. F. The bounds of sense. An essay on Kant's «Critique of pure reason». L., 1966, p. 296.

³ Термин «интеллигибельность» Стросон употребляет вне привычного кантовского контекста, вне оппозиции мыслимого и познаваемого, умопостигаемого и чувственно воспринимаемого. Для Стросона «интеллигибельное» — просто доступное пониманию. Изменение значения термина вызвано тем, что кантовское понимание «интеллигибельности» связано с проблематикой вещи в себе, а стросоновская аналитическая интерпретация Канта основана на изъятии этой проблематики.

⁴ Strawson P. F. Указ. соч., с. 16.

⁵ Там же, с. 19.

⁶ В кантовской терминологии: необходимых условий возможности опыта.

⁷ Strawson P. F. Указ. соч., с. 93.

⁸ Там же.

⁹ Нужно заметить, что Стросон упускает один момент, важный для установления исторического приоритета. Единство опыта постулируется Кантом в виде единства апперцепции из-за особого понимания опыта, идущего, по меньшей мере, от Декарта. Опыт — то непосредственное содержание чувственности, которое представлено в сознании. Опыт — содержание сознания. Опыт неосознанный, т. е. не существующий для сознания, тем самым вовсе не существует. Неосознанный опыт не есть опыт. После Декарта это утверждение считалось само собой разумеющимся во всей классической философии. Декартом же, а не Кантом дано обоснование того, что условием самоописания опыта является допущение единого непрерывного континуума сознания. Кант в данном случае лишь пользуется результатами, достигнутыми до него.

¹⁰ Strawson P. F. Указ. соч., с. 27.

¹¹ Там же, с. 105—106.

¹² Там же, с. 127.

¹³ Там же, с. 129.

¹⁴ Collingwood R. G. Philosophical essays 2 vol. Vol. 2. On essay on metaphysics. Oxford, 1940, X, p. 354; Körner S. Kant. Bristol, 1955, p. 230.

¹⁵ Strawson P. F. Указ. соч., с. 129.

¹⁶ Там же, с. 129.

¹⁷ Там же, с. 147.

¹⁸ Там же, с. 147.

¹⁹ Там же, с. 147.

²⁰ Там же, с. 165.

²¹ Kant I. Kritik der reinen Vernunft. Werke in sechs Bänden. Bd. 3. Wiesbaden, 1956, S. 724. Перевод уточнен. Ср. с переводом в (3, 378).

В рукописях Канта можно найти более определенные замечания о зависимости идентификации субъекта опыта от идентификации тела. Например: «Мы

сами для самих себя являемся прежде всего предметом внешнего чувства, ибо иначе мы не могли бы воспринимать нашего места в мире и созерцать себя в отношении с другими предметами. — Поэтому душа в качестве предмета внутреннего чувства не может *воспринимать свое место в теле*, но находится в том месте, где находится человек» (7, 130).

²² Strawson P. F. Указ. соч., с. 165.

²³ Юм Д. Трактат о человеческой природе. — Соч. в 2-х т. М., 1965, Т. 1.

847 с.

²⁴ Strawson P. F. Указ. соч., с. 41—42.

²⁵ Там же, с. 42.

²⁶ Кант И. Критика чистого разума. 2-е изд. Петроград, 1915, VIII. 464 с.

Пер. Н. Лосского.

²⁷ Там же, с. 244, 243.

²⁸ Strawson P. F. Указ. соч., с. 237.

²⁹ Там же, с. 263, 262.

³⁰ Там же, с. 262.

³¹ Там же, с. 268.

³² Там же, с. 51.

³³ Там же, с. 272.

³⁴ Юм Д. Указ. соч., с. 163.

³⁵ Там же, с. 305.

³⁶ Cerf W. «The bounds of sense» by P. F. Strawson. — «Mind», Oxford, 1972, vol. 81, № 324, p. 601—617.

³⁷ Там же, с. 609.

³⁸ Strawson P. F. Указ. соч., с. 262.

³⁹ Roberts G. Bennet and Strawson on transcendental idealism. — Idealistic studies. The Hague, 1971, vol. 1, № 3, p. 243—257.

⁴⁰ Bennet J. Kant's Analitic. Cambridge, 1966, XVI, p. 251. Bennet J. Kant's Dialectic. Cambridge, 1974, XI, 291 p. Bennet J. Strawson on Kant. — «Philosophical review», Ithaca, N.-Y., 1968, vol. 77, № 3, p. 340—349. Strawson P. F. Bennet on Kant's Analitic. — «Philosophical review», Ithaca, N.-Y., 1968, vol. 77, № 3, p. 332—339.

⁴¹ Bennet J. Указ. соч., с. 340.

⁴² Cerf W. Указ. соч., с. 603.

⁴³ Там же, с. 601.

⁴⁴ Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. — Полн. собр. соч., т. 18, с. 206.